

Сун Линьчу не мог сказать, что его ценности были полностью правильными, но он никогда не опускался до роли третьей стороны.

Он медленно и осторожно переобулся, обдумывая свои слова.

Тан Юэ снял пальто и передал его дворецкому, а затем направился в гостиную. Сун Линьчу последовал за ним, делая вид, что с любопытством осматривается, и спросил: «Гэгэ, декор этого дома основан на твоих собственных предпочтениях?»

Тан Юэ положил ключ от машины на кофейный столик и ответил «мм».

— О... я думал, что это предпочтение здешней мадам.

Движения Тан Юэ немного приостановились. "Мадам?"

«Да, да», — взгляд Сун Линьчу был немного уклончивым. «Я только что видел женские туфли в обувном шкафу. Разве они не мадам?»

Тан Юэ ничего не сказал и сел на диван в гостиной, его взгляд был глубоким, когда он смотрел на него.

Сун Линьчу чувствовал себя подсудимым, ожидающим решения судьи, виновен он или нет, в зависимости от слов человека.

Его рука, висящая на боку, не могла не нервно напрячься, и он даже не осмелился взглянуть на Тан Юэ.

Через некоторое время он услышал, как Тан Юэ сказал: «Это принадлежит моей племяннице».

Племяннице?

Была ли это сестра Тан Минцина?

Звезда, которую нес Сун Линьчу, с громким хлопком вернулась на прежнее место.

Он слышал, как Тан Минцин раньше упоминала эту младшую сестру. Она была избалована с детства, своевольна и своенравна, но дяде она очень нравилась, и она была той, кого он любил больше всего.

Что касается кого-то вроде Тан Юэ, который всегда казался холодным и бесчувственным, он не мог представить, каково это — любить кого-то.

Сун Линьчу почувствовал укол зависти, когда представил, каково это, быть любимым таким прямолинейным стальным человеком.

Было уже поздно, и Тан Юэ плохо себя чувствовал. Выпив чашку горячего молока, он поднялся наверх, чтобы отдохнуть.

После того, как дворецкий Лю спросил, не нужен ли Сун Линьчу ночной перекус, и получил отрицательный ответ, он отвел его в комнату для гостей на третьем этаже, чтобы отдохнуть.

Комната для гостей была большая, и, похоже, в ней никто никогда не жил, но от пыли не осталось и следа. Очевидно, ее регулярно чистили.

Семья Тан приготовила новую одежду и пижаму для комнаты для гостей, и, приняв ванну, Сун Линьчу лег на мягкую кровать и быстро уснул.

Следующее утро.

Чэн Бин пришел, чтобы доставить некоторые материалы. Когда он проходил через вход в резиденцию Тан, он не мог не протереть глаза в недоумении, когда увидел Сун Линьчу, сидящего лицом к лицу с Тан Юэ и завтракающего в столовой.

Разве их господин не разорвал свои отношения с Сун Линьчу, когда узнал о намерениях Сун Линьчу по отношению к нему?

Почему он снова связался с ним?

Тан Юэ был решительным человеком, и хотя вчера он помог Сун Линьчу на ювелирной выставке, Чэн Бин мог сказать, что действия Тан Юэ были минимальными, и он не собирался оказывать ему какие-либо дополнительные услуги.

В конце концов, Тан Юэ больше всего ненавидит, когда им пользуются. Последний человек, который пытался воспользоваться им, был уже на глубине шести футов.

Тан Юэ ничего не сделал Сун Линьчу, и это было величайшим прощением, которое он мог ему дать.

Но что происходит сейчас?

На голове Сун Линьчу все еще был пучок непричесанных волос, что ясно указывало на то, что

он спал здесь прошлой ночью!

Были ли это тот же холодный и равнодушный Тан Юэ, которого они знали, с такой внезапной сменой поведения?

Разум Чэн Бина был заполнен вопросительными знаками, как скачущее стадо диких лошадей. Он пропустил только одну ночь, почему он больше не может понять сюжет?

Сун Линьчу не заметил прибытия Чэн Бина. В руке он ел вареное яйцо, а его телефон на столе дважды прожужжал. Это было сообщение от Чжоу Кэсинь о расписании финального тура конкурса певцов кампуса, который состоится 31 декабря, в канун Нового года.

Пока Сун Линьчу читал сообщение, о чем-то подумал и посмотрел на Тан Юэ яркими сияющими глазами.

«Гэгэ, финальный тур конкурса певцов состоится 31-го числа. Хочешь прийти и посмотреть?»

Тан Юэ был уклончив и сказал: «Я посмотрю, если у меня будет время».

«Я не имел в виду прямую трансляцию, — настаивал Сун Линьчу, — я имею в виду, не хочешь прийти и посмотреть это событие лично?»

Тан Юэ поднял слегка прикрытые глаза и посмотрел на Сун Линьчу.

Сун Линьчу продолжил свою рекламную презентацию: «Хотя это всего лишь небольшое соревнование между двумя университетами, это ежегодное грандиозное событие. Кроме песенных конкурсов, есть и другие выступления, ничем не хуже новогодних вечеринок некоторых небольших телеканалов».

«Конечно, — тут же дал себе выход Сун Линьчу, — если у тебя есть новогодняя аранжировка, все в порядке».

Тан Юэ проглотил еду и под полным надежды взглядом Сун Линьчу сказал: «Я не смогу прийти».

Свет в глазах Сун Линьчу мгновенно померк.

Сначала Тан Юэ не хотел много объяснять, но когда он увидел удрученное выражение лица Сун Линьчу и даже пучок энергичных волос на его голове, свисающий вместе с ним, он заколебался и добавил три слова: «У меня командировка».

«О, понятно, — Сун Линьчу оживился, как промокшая капуста, — тогда, пожалуйста, поболей за меня в комнате прямой трансляции, я покажу тебе приз!»

Тан Юэ посмотрел на уверенного в себе молодого человека и кивнул.

Позавтракав, Сун Линьчу вернулся в университет на занятия.

Когда он пришел, первая пара уже закончилась.

К сожалению, дом Тан Юэ находился слишком далеко от его университета. Раньше он был отличником, который почти никогда не брал выходных, если в этом не было крайней необходимости, но казалось, что с тех пор, как он встретил Тан Юэ, он взял больше выходных, чем за все время своего пребывания в университете.

В полдень университет выпустил уведомление о том, что вода будет отключена с 20:00 ночи до 8:00 следующего дня, и всем посоветовали запастись водой.

Каждую ночь Сун Линьчу принимал душ или замачивал ноги в горячей воде перед сном, иначе его ноги были бы ледяными, и он не мог их согреть, что бы он ни делал.

Он услышал об отключении воды и наполнил чайник горячей водой, намереваясь ночью замочить ноги. Однако, когда он пошел за ним позже, он обнаружил, что вода в чайнике была ледяной.

Ли Чан взял чашку и подошел к нему, надеясь получить горячую воду, чтобы почистить зубы, но с удивлением обнаружил, что вода холодная. "Что случилось? Твой чайник сломался?" он спросил.

Сун Линьчу нахмурился и ответил: «Когда я вернулся вечером, чтобы принять душ, был еще горячим».

Получив уведомление в полдень, Сун Линьчу забеспокоился, что если он не сможет вернуться до 8 часов вечера, то не сможет принять душ, поэтому перед уходом наполнил чайник и убедился, что вода горячая. Однако всего за несколько часов вода остыла.

Ли Чан не мог не бросить взгляд на Су Чжэня, который лежал на кровати и играл со своим телефоном. В ту ночь он был единственным в общежитии, и, учитывая его характер, он мог сделать что-то подобное.

Однако Ли Чан только подозревал об этом и не хотел делать поспешных выводов на случай, если чайник действительно сломался, что смутило бы Су Чжэня.

Но когда он посмотрел на Су Чжана, Су Чжань тоже посмотрел на него, и, увидев подозрение в его глазах, Су Чжань взорвался. «Что за взгляд? Вы думаете, что это я, не так ли! С этим дерьмовым чайником я бы не стал к нему прикасаться, даже если бы вы мне заплатили!»

Ли Чан не мог терпеть такие разговоры и собирался что-то сказать, когда Сун Линьчу остановила его. Сун Линьчу не хотел спорить с Су Чжанем из-за чего-то подобного и решил завтра проверить чайник, чтобы убедиться, что он действительно сломан.

Однако Су Чжань не собирался сдаваться и саркастически сказал: «Ха, это весело. Вы настолько бедны, что купили дрянной товар, а теперь хотите обвинить в этом своего соседа по комнате. Вы также хотите обмануть меня, чтобы я заплатил за замену?»

Ли Чан больше не мог этого выносить и усмехнулся: «Молодой мастер Су, кто ты такой, чтобы смотреть на людей свысока? Твой отец богатый и влиятельный магнат?»

Су Чжань совсем не стыдился, даже очень гордился: «Мой отец не магнат, но кто сказал, что у меня не может быть богатого парня? Смотри, этот телефон — подарок от него на Рождество».

Пока он говорил, он продемонстрировал им свой последний iPhone.

«Эх, это так раздражает. Я потратил на свой телефон более 6000 и пользовался им всего полгода. Я не хочу его выбрасывать».

Ли Чан был настолько возмущен, что едва мог сдержаться, чтобы не ударить Су Чжана по лицу. Как мог быть такой человек!

Он усмехнулся: «Тогда тебе лучше держать его поближе. Измена случается либо ноль раз, либо бесконечное количество раз. Не позволяй кому-то другому увести его от тебя».

«Хм, какая шутка. Ты думаешь, я похож на некоторых людей, которые даже не могут удержать мужское сердце?»

«Ну, это не обязательно правда», — сказал Сун Линьчу с улыбкой. «Тан Минцин — это, по сути, тяжелый фейс-контроль. Сможешь ли ты заинтересовать его на мгновение или на всю жизнь?»

Лицо Су Чжана слегка изменилось.

Это ударило его по самому больному месту, потому что в последнее время отношение Тан Минцина к нему не было таким восторженным, как раньше.

Даже когда он наряжался в сексуальную женскую одежду, Тан Минцин только на мгновение находил его интересным, но не таким одержимым, как раньше.

Более того, несколько дней назад, когда Тан Минцин пришел принести ему завтрак вниз, он спустился только в пижаме и хлопчатобумажных тапочках, потому что утром у него не было занятий. Тань Минцин преувеличенно не узнал его и даже назвал невзрачным, что привело его в ярость.

Сун Линьчу проигнорировал Су Чжэня и лег на его кровать. В их общежитии не было электрических грелок или чего-то подобного, так что он не мог замочить ноги. Он мог только лежать с холодными ногами.

Он прикрыл ноги руками и вздрогнул. Его ноги были как кубики льда. Он не знал почему, но неважно, насколько теплой была остальная часть его тела, только ноги были холодными.

Сун Линьчу надел еще одну пару носков на ноги и лег.

Он скучал по кровати в гостевой комнате Тан Юэ. Она была очень мягкой и удобной, и в ней даже был пол с подогревом. Все, что ему было нужно, это тонкое одеяло, и он совсем не замерзнет.

У него не было занятий в первые два урока завтра, поэтому он проспал.

Сун Линьчу проснулся от жужжащей вибрации своего телефона. Он неуверенно полез под подушку и нашел телефон, чувствуя тяжесть век.

Он какое-то время боролся, прежде чем открыть один глаз и увидеть человека, который написал ему, и сразу полностью проснулся.

Тан Юэ: [(фото)]

Тан Юэ: [Твое?]

Тан Юэ прислал ему шарф, случайно забытый вчера в его доме.

Сун Линьчу поднял руку, чтобы ответить Тан Юэ, но когда он двинулся, он понял, что его тело болит, а нос заложен. Это был признак простуды.

Его ноги все еще были холодными, как и его носки, которые, как он полагал, были причиной холода.

Он боролся с воспаленными веками и ответил на сообщение Тан Юэ.

Маленький Сун Линь: [Да, гэгэ, пожалуйста, попросите помощника Чэна вызвать местную

экспресс-доставку и доставить его в университет. У тебя есть адрес!]

Тан Юэ: [(фото)]

Сун Линьчу нажал на картинку и чуть не вскочил с кровати.

Тан Юэ прислал ему фотографию их школьных ворот!

Может быть, он пришел лично?

Сун Линьчу попытался сдержать волнение и уже собирался написать ответ, когда Тан Юэ прислал ему еще одно сообщение.

Тан Юэ: [Какое здание?]

Маленький Сун Линь: [???

Маленький Сун Линь: [Твоя машина может подъехать?]

Тан Юэ: [Да.]

Сун Линьчу проклинал в своем сердце. Их школа не позволяла въезжать социальным транспортным средствам. В прошлый раз, когда у Ли Чана болел живот, и он отвез его в больницу, они забрали Диди.

Сун Линьчу пришлось долго спорить с охранником, чтобы машина высадила их под зданием общежития. Если бы не слабое состояние Ли Чана, их бы не пустили.

К черту богатых!

Сун Линьчу быстро оделся, спустился вниз, и машина Тан Юэ подъехала к двери их общежития.

Это совпадение, что машина Тан Юэ сегодня была относительно скромной. Тем не менее, это был все еще роскошный автомобиль высшего класса.

К счастью, большинство студентов уже ушли на занятия, поэтому не так много людей входили и выходили из ворот общежития. В противном случае это точно привлекло бы внимание.

Тан Юэ остался сидеть на заднем сиденье, не выходя из машины, а только опустив окно и

передав пакет Сун Линьчу.

«Спасибо, гэгэ», — сказал Сун Линьчу, сияя и взяв пакет.

Тан Юэ убрал руку и спросил: «Что не так с твоим голосом?»

«Просто немного простудился», — Сун Линьчу потер нос и сказал: «Ты мог бы попросить кого-нибудь другого доставить его. Тебе не обязательно было приезжать лично».

Дело было не в том, что Сун Линьчу использовал его и действовал скромно. Просто Тан Юэ был неизлечимо болен!

Было бы невежливо заставлять его передать это.

Однако Тан Юэ на самом деле приехал, чтобы доставить его лично, и Сун Линьчу не мог не чувствовать себя немного счастливым, когда думал об этом.

Люди такие противоречивые существа.

Тан Юэ мельком взглянул на него и сказал: «Я ехал в мэрию».

Сун Линьчу: «...».

Мэрия находилась примерно в десяти минутах езды от их университета, так что это было довольно удобно.

Но не нужно говорить это вслух!

Сердце Сун Линьчу было разбито, и он сказал: «О», «Ну, гэгэ, едь, делай свое дело, и не позволяй мне задерживать тебя».

«Мм», — Тан Юэ на мгновение замолчал, а затем добавил: «Не забудь принять лекарство».

Сун Линьчу послушно кивнул головой, держа шарф и пакет. "Хорошо!"

Тан Юэ не задержался надолго, дав водителю сигнал поднять окно и уехать из школы. Когда машина проезжала перекресток на красный свет, телефон Тан Юэ внезапно зазвонил.

Тан Юэ открыл глаза, достал телефон и увидел одно слово в идентификаторе вызывающего абонента: Дядя.

Как только он ответил, то услышал на другом конце линии встревоженный мужской голос. «А Юэ, твой дедушка только что упал и ударился головой. Ситуация выглядит несколько серьезной».

Рука Тан Юэ, державшая телефон, внезапно напряглась.

<http://bllate.org/book/14981/1325476>